

Мониторинг актуальных событий в области международной торговли

№ 36

26 сентября 2019 года

ВСЕРОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

АТЭС
Российский центр
исследований АТЭС

РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР
КОМПЕТЕНЦИИ И АНАЛИЗА
СТАНДАРТОВ ОЭСР

КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ

26 сентября стало известно, что США и Япония подписали совместное заявление о достижении договоренностей по заключению торговой сделки. Изъятие из либерализации целого ряда секторов может идти вразрез с требованиями ВТО. Похожие опасения высказывались и в отношении обсуждаемой торговой сделки между США и Великобританией. Современные "секторальные" торговые соглашения вряд ли можно назвать новой тенденцией: соответствующая практика существует в той или иной степени уже более полувека и связана как с несовершенством международного права, так и отходом от практики «добровольно-принудительных» рекомендаций в отношении торговых соглашений.

Локализация данных — законодательное требование по хранению данных на территории страны — может восприниматься как барьер для цифровой торговли. При этом локализация не всегда сопровождается запретом на трансграничную передачу данных. Не во всех странах есть требования о локализации данных, но локализационные ограничения в отношении различных видов данных достаточно распространены. Часто под локализационные требования подпадают персональные данные пользователей (наиболее широкий массив данных), и другие «чувствительные» сведения (телекоммуникационные, финансовые, медицинские, данные государственных органов).

В условиях замедления глобализации и международного производства сеть специальных экономических зон (СЭЗ) в мире продолжает расширяться. Чуть менее 1/5 от общего числа действующих и находящихся в разработке СЭЗ были созданы за последние пять лет. **Наиболее перспективные с точки зрения дальнейшего развития специальных экономических зон — страны Юго-Восточной и Южной Азии.** В России формирование СЭЗ продолжается.

14 августа премьер-министр России Д. Медведев утвердил **Стратегию развития экспорта услуг до 2025 г.,** которая ставит своей целью создание условий для обеспечения устойчивых высоких темпов роста экспорта услуг для достижения к 2025 г. его объема, превышающего \$100 млрд. Стратегия включает в себя комплекс мер по устранению как горизонтальных барьеров, так и барьеров, характерных для отдельных отраслей услуг. **Реализация Стратегии позволит создать предпосылки для повышения конкурентоспособности российских услуг на глобальных рынках и обеспечит новые возможности для российского экспорта.**

I. Секторальные соглашения: системная практика или нарушение требований ВТО?

26 сентября стало известно, что США и Япония подписали [совместное заявление](#) о достижении договоренностей по заключению торговой сделки. Согласно опубликованному тексту заявления, ранние договоренности предусматривают снижение/устранение ввозных таможенных пошлин на некоторые виды промышленных и с/х товаров. В течение четырех месяцев с момента вступления соглашения в силу планируется завершить двусторонние консультации, после чего США и Япония начнут переговоры о либерализации оставшейся части торговли. Некоторые эксперты [отмечали](#), что такой подход, когда из либерализации исключены целые сектора, может идти вразрез с требованиями ВТО, а именно, с ключевым принципом организации – режимом наибольшего благоприятствования (РНБ). Похожие опасения [высказывались](#) также в отношении обсуждаемой торговой сделки между США и Великобританией. Отмечалось, что страны намерены заключить секторальное соглашение с целью ускоренной либерализации части торговли, прежде чем произойдет снижение торговых барьеров на оставшиеся товары.

Нарушение принципа РНБ в отдельных случаях прямо предусматривается системой соглашений ВТО. [Статья XXIV](#) Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) позволяет образовывать зоны свободной торговли (ЗСТ) и таможенные союзы (ТС), в рамках которых страны могут применять более низкие торговые барьеры во взаимной торговле, нежели с третьими странами. Между тем, внешняя свобода заключать региональные торговые соглашения (РТС) ограничена требованиями этой самой статьи и дополняющей её [договорённости о ее толковании](#). В частности, нормы ВТО устанавливают, что либерализация тарифов или других мер регулирования торговли в рамках создаваемых РТС должна покрывать «практически всю торговлю» договаривающихся стран. Таким образом, строго говоря, праву ВТО не может соответствовать выборочный подход к либерализации внешнеторгового регулирования в отношении партнёра по ЗСТ/ТС, т.е. заключение секторальных соглашений.

Практика заключения РТС, однако, демонстрирует, что при переходе на преференциальные условия торговли страны, как правило, готовы лишь к частичной либерализации и поэтому распространяют

тарифные преференции не на всю линейку товаров, а лишь на большую или меньшую её часть, сохраняя базовые ставки ввозных таможенных пошлин на чувствительную номенклатуру (преимущественно на продукцию АПК). В этой связи современные секторальные торговые соглашения вряд ли можно назвать новой тенденцией, ведь прецедент был создан еще в середине прошлого столетия, когда страны-подписанты Римского соглашения пригрозили выйти из ГАТТ, если рабочей группой по РТС будет установлено, что сделка не соответствует статье XXIV (см. [Hoekman, Kosteckı, 2009](#)).

Можно спорить о том, что «практически» вся торговля – это не вся торговля, а значит отдельные товары могут остаться за рамками РТС. Можно также настаивать на использовании количественного критерия и считать либерализацией «практически всей торговли» либерализацию большей части взаимной торговли между участниками ЗСТ/ТС. Однако если допустить, что правильная трактовка выражения «практически вся торговля» – это толкование в пользу стопроцентной либерализации (качественный критерий), возникают опасения, что РТС, предусматривающие изъятия, – прямое нарушение права ВТО. При этом такое нарушение идёт гораздо дальше несоблюдения государством норм статьи XXIV ГАТТ–94. Если РТС с изъятиями – это не РТС в понимании ВТО, значит, преференции, возникшие на основе таких РТС, формально не являются исключением из РНБ и должны быть в равной степени распространены и на других членов ВТО.

Для государств, не готовых к моментальной тотальной либерализации взаимной торговли, статья XXIV ГАТТ–94 предусматривает альтернативу: заключение временных РТС, которые по истечении разумного срока (10 лет) перерастают в полноценные с полной либерализацией при условии наличия подробного плана такой либерализации.

Гипотезу о том, что в случае масштабных изъятий из торгового соглашения США–Япония страны могут воспользоваться возможностью его нотификации в ВТО в качестве временного соглашения, [высказывали](#) отдельные эксперты.

Между тем, как показывает практика, нотификация временных соглашений после формирования ВТО, ставшей преемницей действовавшего с 1947 г.

ГАТТ, стала скорее исключением, чем правилом. Если в период с апреля 1989 по ноябрь 1994 г. странами-участницами ГАТТ было **нотифицировано** 15 временных соглашений, ведущих к формированию ЗСТ/ТС в соответствии со статьей XXIV ГАТТ-1947, то за прошедшую с момента создания ВТО четверть века лишь 10 торговых соглашений, нотифицированных в ВТО, содержали в своем названии указание, что они являются «временными» (см. таблицу ниже). При этом часто это был лишь оборот речи. Например, в случае с соглашением между ЕС

и Чили стороны **отмечали**, что «временность» лишь подразумевает наличие в нем переходных периодов. В то же время, масштаб либерализации торговли товарами в рамках соглашения позволяет его классифицировать как полноценное РТС сразу после его вступления в силу. После 2006 г. практика разделения РТС на «временные» и «полноценные» и вовсе сошла на нет. Из представленных в таблице соглашений перезаклучены были только соглашения между ЕС и странами, которые сегодня уже являются его членами.

Соглашения, нотифицированные в ВТО как «временные» за период существования организации

Соглашение	Дата нотификации
Временное согл. об экономическом партнерстве между ЕС и странами Восточной и Южной Африки	9 февраля 2012 г.
Временное согл. по торговле и вопросам, связанным с торговлей, между Европейскими сообществами и Албанией	7 марта 2007 г.
Временное согл. о свободной торговле между Турцией и Палестинской администрацией	1 сентября 2005 г.
Временное согл. между Европейским сообществом и Ливаном	26 мая 2003 г.
Временное согл. между Европейскими сообществами и Чили	1 февраля 2003 г.
Временное согл. между Европейским сообществом и Хорватией	17 декабря 2002 г.
Временное согл. между Европейскими сообществами и бывшей Югославской респ. Македония	23 октября 2001 г.
Временное согл. между ЕАСТ и Палестинской администрацией	23 июля 1999 г.
Временное согл. об ассоциации между Европейским сообществом и Палестинской администрацией	29 мая 1997 г.
Временное согл. между Европейскими сообществами и Словенией	12 декабря 1996 г.

Источник: ВТО.

Непопулярность временных торговых соглашений в международной практике связана, во-первых, с наличием организационного барьера (необходимости составить план поэтапной либерализации); во-вторых, с необходимостью «уложиться» в 10-летний срок (продление разумного срока проблематично, т.к. требует от сторон РТС представить в ВТО обоснование продления); в-третьих, имеющимся обязательством всё-таки перейти к полностью свободной торговле. Ранее за фактической трансформацией временных РТС в полные РТС осуществлялся контроль со стороны других членов ВТО, чьи подозрения о недостаточных подвижках в интеграции приводили к тому, что сторонам РТС рекомендовали предпринять конкретные меры по расширению режима свободной торговли, которые подлежали «добровольно-принудительному» исполнению. Отказ следовать данным рекомендациям мог привести к тому, что участников РТС фактически могли обязать прекратить функционирование ЗСТ/ТС вовсе¹. Во избежание пристального контроля за степенью реализации РТС страны предпо-

читали представлять свои секторальные РТС не как временные РТС, а как «полные РТС с переходным периодом». Данная лазейка была впоследствии ликвидирована **Решением о транспарентности**, уравнивающим порядок уведомления ВТО о временных РТС и о полных РТС с переходным периодом. Решение также сократило мандат Комитета ВТО по РТС, в результате чего он стал лишь площадкой для рассмотрения и обсуждения РТС, лишённой права влиять на их содержание².

С одной стороны, представление секторального соглашения в качестве временного с целью обхода требования о том, что торговая либерализация должны покрывать «практически всю торговлю», вряд ли можно считать «лазейкой» в праве ВТО, так как накладывает на страны-члены будущей сделки определенные строгие обязательства. С другой стороны, размытость формулировок статьи XXIV ГАТТ-94, а также отход от практики «добровольно-принудительных» рекомендаций формируют определенную свободу государств в заключении торговых соглашений с большим объемом изъятий, как минимум на первых этапах их функционирования.

¹ Попытка предотвратить возникновение интеграции была предпринята при присоединении Испании и Португалии к Европейским сообществам. Оппоненты европейской интеграции ссылались на то, что РТС, которое позиционировали как завершённое РТС, охватывало на самом деле не всю товарную номенклатуру к моменту заявленного «завершения».

² Подробнее см. Lorand Bartels. 'Interim agreements' under article XXIV GATT. // World Trade Review (2009), 8:2, 339–350.

II. Национальное регулирование вопросов локализации данных

Локализация – законодательное требование по хранению данных, передаваемых в электронном или в другом виде, на территории страны. Локализацию можно условно разделить на два типа:

1. Ограниченная: при условии соблюдения требования о хранении копии данных на территории страны (и других требований по передаче данных)³, информация может быть передана за границу.
2. Безусловная – данные должны храниться только внутри страны и не могут передаваться в другие страны ни при каких условиях.

Ограничение первого типа влечет за собой дополнительные издержки⁴ для бизнеса, осуществляющего внешнеэкономическую деятельность, и может быть особенно обременительным для малого бизнеса. Не всегда локализация первого типа называется таковой. Например, в Малайзии нет открытого требования по локализации персональных данных, однако существует требование получения разрешения правительственных органов на трансграничную передачу персональных данных граждан, и соответственно, [некоторые исследования](#) говорят о наличии локализации де-факто. Второй тип локализации создает препятствия для свободного перемещения данных через границы.

Локализационные меры могут восприниматься как протекционистские, так как могут приводить к отклонению торговли в некоторых сферах в пользу национальных компаний.⁵ [ОЭСР](#) и Европейский центр международной политической экономии ([ECIPE](#)) относят локализацию к барьерам для цифровой торговли.

Требования по локализации отсутствуют во многих странах. Среди них: Израиль, Ирландия, Испания,

Италия, Коста-Рика, Латвия, Литва, Норвегия, Португалия, Словакия, Словения, Швейцария, ЮАР, Австрия, Чили, Чехия, Эстония, Венгрия, Исландия.

Тем не менее, согласно [исследованию ECIPE](#), число локализационных ограничений в мире значительно выросло за последнее время: с 19 в 2000 г. до 84 в 64 странах в 2016 г.

США и Япония выступали на площадке ВТО с предложением о введении запрета требований локализации на многостороннем уровне. Они полагают, что подобные ограничения препятствуют быстрому и эффективному развитию цифровой экономики и цифровой торговли.

Страны применяют локализационные ограничения к различным видам данных (см. таблицу ниже).

Наиболее широкий массив информации, подпадающий под локализацию – персональные данные граждан страны, включающие информацию, собранную как государственными органами, так и частным сектором. Локализационные требования по хранению операторами копии всех персональных данных на серверах внутри страны применяются, например, в [России](#) и [Казахстане](#).

Другие локализационные требования применяются к отдельным «чувствительным» данным и чаще всего касаются телекоммуникационного сектора, финансовых, медицинских данных, либо деловой документации.

К примеру, в [Китае](#) «критически важную информацию»⁶ можно передавать за рубеж при соблюдении необходимых проверок безопасности. При этом существует [запрет](#) на передачу за пределы страны (в том числе оффшорным компаниям) любых персональных финансовых и медицинских данных.

В [Турции](#), [Индии](#) и некоторых других странах существует требование по локализации данных об электронных платежах.

³ Подробно о существующих требованиях в области трансграничной передачи данных в отдельных странах мы писали в Мониторинге [№35](#).

⁴ Издержки связаны с ограничением выбора поставщиков услуг по хранению данных в других странах, которые могут быть более привлекательными по цене/качеству, и дополнительными расходами на организацию хранения копий данных в стране.

⁵ К примеру, ИМЭФ ВАВТ выявил положительную корреляцию между требованиями по локализации данных и уровнем нетарифных барьеров в некоторых секторах услуг. О результатах расчетов мы писали в Мониторинге [№33](#).

⁶ К этой категории относятся данные, собранные ключевыми объектами информационной инфраструктуры и операторами сети – т.е. персональные и другие данные, собранные госорганами и компаниями ключевых секторов (включая телекоммуникации, энергетику, транспорт, ирригацию).

Локализация телекоммуникационных данных, помимо требования о наличии серверов для хранения информации на территории страны (с тем, чтобы была возможность предоставить её «компетентным органам» по запросу и предотвратить неконтролируемую передачу персональных и других типов данных «компетентным органам» других стран), как правило, сопровождается законодательно установленными сроками, в течение которых вся передаваемая информация (не только данные о пользова-

телях, но и непосредственно данные, передаваемые пользователями) должна храниться операторами. В России, такие сроки прописаны в так называемом «Законе Яровой»⁷. В других странах сроки, как правило, обозначают в тексте основного закона о защите персональных или других типов данных, или же в соответствующих подзаконных актах.

⁷ Мы писали об этом подробно в Мониторинге №18.

Локализационные требования в различных странах

Тип данных	Страны с ограниченной локализацией	Страны с безусловной локализацией
Пользовательские данные и данные, собираемые в ходе предоставления населению услуг (в т.ч. частными фирмами)		
<i>Персональные данные граждан</i>	Россия, Малайзия, Китай, Турция, Вьетнам	Саудовская Аравия, Бруней, Казахстан
<i>Личные данные граждан, обрабатываемые государственными органами⁸ (в т.ч. в рамках предоставления госуслуг)</i>	Канада*, Германия, Нидерланды, Сингапур, Тайвань	Индонезия, Индия, Бельгия ⁹
<i>Медицинские данные</i>	Дания, Великобритания	Китай, Австралия
<i>Данные, переданные в ходе электронных транзакций (телекоммуникационные данные)</i>	Нигерия, Германия, Вьетнам, Россия, Китай, Казахстан, Мексика, Республика Корея, Швеция	Индонезия, Индия ¹⁰ , Турция
<i>Данные пользователей мессенджерами</i>	Иран	
<i>Финансовые / банковские данные пользователей</i>	Люксембург, Швеция, Республика Корея	Индонезия, Китай, Саудовская Аравия
<i>Данные об электронных платежах</i>	Венесуэла, Россия, Индия	Нигерия, Турция
<i>Данные кредитных карт клиентов</i>		Республика Корея
<i>Данные, связанные с (онлайн) игровой деятельностью</i>	Польша**, Румыния	Болгария
Корпоративные и прочие виды данных		
<i>Финансовая отчетность и бухгалтерская документация</i>	Дания, Бразилия, Индия, Индонезия, Германия, Финляндия**, Швеция, Великобритания	
<i>Налоговые данные</i>	Новая Зеландия, Бельгия	США
<i>Акционерные данные</i>	Бельгия	
<i>Информация, имеющая отношение к судебным разбирательствам</i>	Франция	
<i>Данные, связанные с предоставлением услуг «облачного» хранения государственным органам¹¹</i>	Швеция, Дания, Республика Корея, Япония, Нигерия	США*, Бразилия, Франция
<i>Картографические данные</i>		Республика Корея

* Законодательство действует не на территории всей страны / в отношении отдельных ведомств.

** Требование о хранении на территории ЕС

⁸ К государственным органам в данном случае могут относиться учебные заведения, государственные банки, государственные больницы и другие государственные институты.

⁹ Относится только к данным, собранным в национальном реестре физических лиц.

¹⁰ Кроме сведений о роуминге.

¹¹ В данном случае под данными понимается вся информация, обрабатываемая государственными органами (информация о деятельности госорганов, о государственных закупках, контрактах и пр.)

Во **Вьетнаме** все компании, предоставляющие интернет-услуги, должны иметь хотя бы один сервер с базами данных на территории Вьетнама. В случае наличия требований к серверной системе, распо-

ложенной во Вьетнаме, вся серверная система, расположенная за пределами Вьетнама, должна отвечать этим требованиям.

Во многих странах ЕС¹², а также Бразилии, Индии, Индонезии, США и Канаде **применяются** ограничения в отношении локализации данных, связанных с деятельностью государственных органов, а также бухгалтерских документов компаний.

Корея — единственная страна, которая внедрила **требование** по локализации картографических данных с целью ограничения доступа к коммерческим спутниковым изображениям высокого разрешения.

Регулирование вопросов локализации данных в **Саудовской Аравии** и **Индонезии** относят к одним из самых строгих в мире, поскольку оно применяется к широкому массиву данных, и зачастую передача данных невозможна ни при каких условиях. Требования по локализации данных применяются многими странами в целях обеспечения суверенитета (в том числе права **определять** какие типы данных могут покидать пределы национальной юрисдикции), национальной безопасности, а также

¹² Как мы уже писали в Мониторинге №33, локализация данных в Европейском союзе регулируется отдельно национальным законодательством каждой страны.

защиты частной жизни граждан. Помимо этого, некоторые авторы **говорят** о необходимости локализации для улучшения условий для национальных поставщиков, на начальных этапах развития находящихся априори в неравном положении по сравнению с трансграничными компаниями.

В то же время сама по себе локализация не является гарантией обеспечения необходимого уровня защиты данных — уровень защиты зависит от наличия в стране передовых технологий в области информационной безопасности. Кроме того, в случае с безусловной локализацией, существует риск потери всех данных при возникновении какой-либо чрезвычайной ситуации (зависит от архитектуры хранения данных в той или иной стране).

Таким образом, локализация — это в первую очередь требование о хранении данных на территории страны, не всегда полностью ограничивающее их трансграничную передачу. Локализация применяется многими странами в отношении различных категорий данных. Строгость требований также значительно варьируется.

СТАТИСТИКА

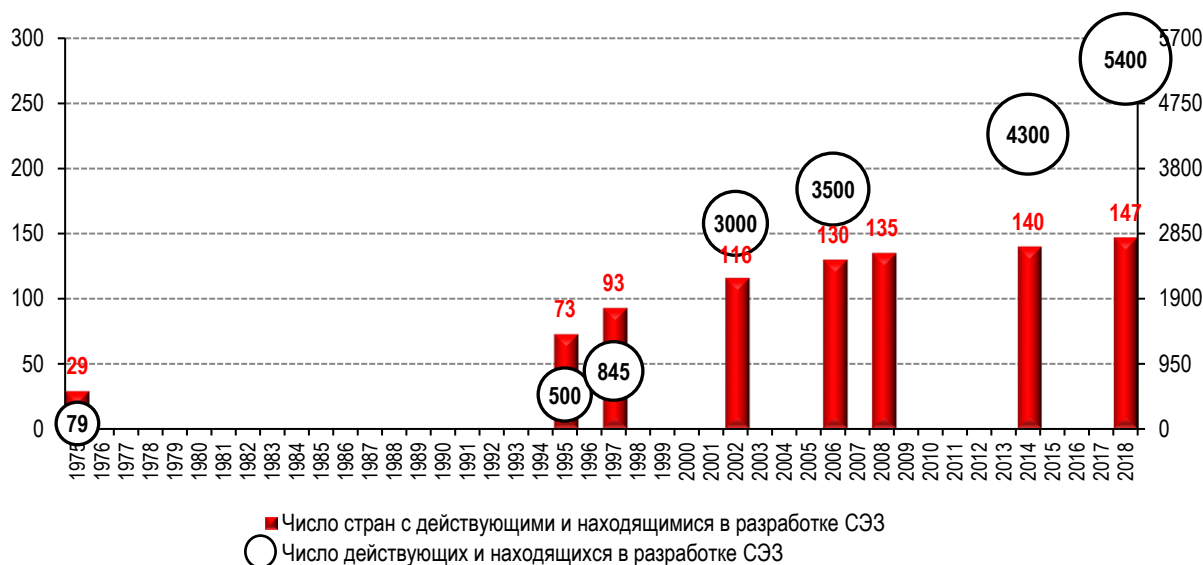
III. Специальные экономические зоны: мировой и российский опыт

Специальные экономические зоны (СЭЗ)¹³ широко распространены в мире и имеют долгую историю. Концепция свободных портов существует уже много веков, а современные свободные экономические зоны, примыкающие к морским портам, аэропортам и приграничным коридорам, появились в 1960-х гг. Распространение во многих странах, особенно азиатских, ориентированных на экспорт стратегий промышленного развития, рост **оффшорного производства** транснациональных корпораций (ТНК), ускорение индустриального производства в конце

1990-х и 2000-х гг. и быстрый рост глобальных производственно-сбытовых цепочек породили несколько волн развития СЭЗ. Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. и связанное с ним падение мировой торговли лишь незначительно замедлили создание новых специальных экономических зон. Нынешнее замедление темпов глобализации и международного производства имеет обратный эффект, поскольку правительства реагируют на усиление конкуренции в индустриальном секторе, создавая все больше СЭЗ и расширяя их специализацию. Сейчас в мире около 5400 СЭЗ, из них 1000 были созданы за последние пять лет. По меньшей мере, 500 новых специальных зон откроются в ближайшие годы.

¹³ СЭЗ — географически ограниченные районы, в которых устанавливается особый режим экономической (хозяйственной) деятельности посредством налоговых и организационно-административных стимулов и инфраструктурной поддержки.

Динамика развития специальных экономических зон в мире

Источник: ЮНКТАД.

СЭЗ находятся на разных стадиях развития и имеют разные политические и экономические предпосылки, поэтому существует многообразие классификаций и определений СЭЗ. Терминология сильно различается, причем наиболее распространенные понятия — свободные экономические зоны, специальные или особые экономические зоны, зоны экспортной переработки, свободные порты — часто используются непоследовательно.

ЮНКТАД использует определение СЭЗ, в основе которого лежат три ключевых критерия:

- четко очерченный географический регион;
- особый административно-правовой режим, не применяемый на остальной части территории страны (чаще всего это таможенные и фискальные льготы, но также преференциальные правила в отношении иностранной собственности, использования земельных участков, занятости и др.).

— инфраструктурная поддержка¹⁴.

Обычно СЭЗ классифицируются в соответствии с их конкретными целями или отраслевой направленностью (например, высокотехнологичные или сервисные парки), местоположением (портовые или приграничные зоны) или типом применяемого режима регулирования (ЗСТ, коммерческие свободные зоны). Эксперты ЮНКТАД предлагают классификация СЭЗ на основе их специализации и структурно-управленческих характеристик.

¹⁴ Исходя из трех вышеприведенных критериев, некоторые типы экономических зон, которые обычно приравниваются к СЭЗ, выходят за рамки определения ЮНКТАД. Например, промышленные или научные парки, которые организованы почти во всех городских агломерациях, особенно в развитых странах, имеют обособленную территорию и могут даже обеспечивать некоторую базовую инфраструктуру, финансируемую государством, но в них не установлен преференциальный правовой режим.

Таксономия специальных экономических зон ЮНКТАД (по типу специализации)

Тип специализации СЭЗ	Описание (цели создания, особенности функционирования)
Логистические хабы	Оказание коммерческих, складских и логистических услуг; услуг по упрощению процедур торговли, перевалке и реэкспорту. Могут располагаться рядом или в пределах крупных промышленных зон.
Комплексные	Общее промышленное развитие, неспециализированное производство.
Специализированные	Деятельность сфокусирована на: <ul style="list-style-type: none"> — отдельных отраслях (напр., услуги, добывающая промышленность или сельское хозяйство); — промышленных секторах (напр., автомобилестроение, электроника, швейная промышленность); — ЦДС (напр., аутсорсинг бизнес-процессов, call-центры, научно-исследовательские центры).
Инновационные (технико-внедренческие)	Деятельность сосредоточена на модернизации промышленных производств и создании новых видов деятельности (напр., высокотехнологичные, биотехнологические и рекреационные зоны).

Источник: ЮНКТАД.

Большинство СЭЗ в мире – это зоны комплексного типа, на них приходится 62% от общего количества СЭЗ. В развитых странах доминируют СЭЗ, специализирующиеся в качестве логистических хабов. Их роль заключается в предоставлении тарифных преференций и, особенно, в снижении трансакционных издержек в таможенных операциях для обеспечения функционирования сложных трансграничных цепочек поставок. Часто особые режимы хозяйствования устанавливаются в депрессивных регионах с неразвитой инфраструктурой и вы-

соким уровнем безработицы. В развивающихся странах, напротив, основной целью СЭЗ, как правило, является создание, диверсификация и модернизация отраслей экономики за счет привлечения ПИИ. Промышленно-производственные и технико-внедренческие зоны сосредоточены в группе развивающихся стран продвинутой стадии (например, в новых индустриальных странах). В транзитных странах действуют преимущественно специализированные и комплексные СЭЗ.

Распределение СЭЗ различных типов по регионам и группам стран, %

Регион	Логистические хабы	Комплексные	Специализированные	Инновационные (технико-внедренческие)
Мир	8	62	24	5
Развитые страны	91	9	1	0
Африка	1	89	10	0
Азия	2	65	26	7
Китай	1	93	1	6
Латинская Америка	9	77	13	1
Транзитные страны	3	34	59	5

Источник: ЮНКТАД.

СЭЗ функционируют более чем в 140 странах мира. Регион-лидер по количеству СЭЗ – Восточная Азия, где насчитывается 2645 зон (в т.ч. в стадии разработки – 13), далее следует Юго-Восточная Азия – 737 зон (167), Латинская Америка, включая страны Карибского бассейна – 486 зон (28), Южная Азия – 456 зон (167). В группе развитых стран их число достигает 374 (в т.ч. в Европе – 105, в Северной Америке – 262), в странах переходного типа – 237, в наименее развитых странах – 173. Подавляющая часть запланированных СЭЗ приходится на азиатские страны, в первую очередь, регион ЮВА (235 СЭЗ) и Южную Азию (184 СЭЗ).

В России также накоплен определенный опыт формирования свободных или специальных экономических зон. История их создания на территории России началась в конце 1980-х гг., когда в СССР стали образовываться в порядке эксперимента «зоны совместного предпринимательства» (ЗСП), дислоцировавшиеся на небольших территориях с высокой концентрацией предприятий, созданных при участии иностранного капитала. С середины 1990-х гг. процесс формирования СЭЗ в России активизировался за счет инициатив региональных властей, которые пошли по пути создания локальных функциональных зон без соответствующей законодательной основы федерального уровня.

Очередной, принципиально новый этап развития СЭЗ в России начался в 2005 г. с принятия Феде-

ральных законов от 22.07.05 г. №116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» и №117-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в связи с принятием Федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». Эти законы сформировали основу для системного развития экономических зон¹⁵, так как вся предыдущая политика в этой сфере отличалась непоследовательностью и отсутствием общей законодательной базы. В них также сформулированы новые принципы государственно-частного партнерства на территории таких зон. В России функционирует 25 ОЭЗ (9 промышленно-производственных, 6 технико-внедренческих, 9 туристско-рекреационных и 1 портовая).

С точки зрения международных стандартов деятельность большинства российских ОЭЗ является неэффективной. Согласно докладу Счетной палаты РФ, должный экономический эффект от функцио-

¹⁵ К особым экономическим зонам по своему статусу близки территории опережающего социально-экономического развития (сокр. ТОРы), действующие на базе Федерального закона от 29 декабря 2014 г. №473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». В отличие от существующих ОЭЗ, ТОРы создаются под конкретными крупными инвесторами, заключивших с уполномоченным федеральным органом предварительные соглашения, определяющие вид планируемой экономической деятельности, объем инвестиций и количество создаваемых рабочих мест.

нирования ОЭЗ не был достигнут и они не стали реально действующим инструментом поддержки национальной экономики. Относительно эффективными были признаны только четыре ОЭЗ: в Республике Татарстан, Липецкой, Самарской областях и в

Санкт-Петербурге. Процесс формирования ОЭЗ в России не закончен. Требуется дальнейшая корректировка государственной политики в данной сфере, разработка новых инструментов развития.

СОБЫТИЕ

IV. Стратегия развития экспорта услуг до 2025 г.

14 августа 2019 г. Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев подписал Распоряжение №1797-р, которое утверждает [Стратегию развития экспорта услуг до 2025 г.](#) и план мероприятий по реализации Стратегии развития экспорта услуг до 2025 г.

Стратегия развития экспорта услуг разработана в рамках реализации [федерального проекта «Экспорт услуг»](#) национального проекта [«Международная кооперация и экспорт»](#) и ставит своей целью создание условий для обеспечения устойчивых высоких темпов роста экспорта услуг для достижения к 2025 г. его объема, превышающего \$100 млрд.

Стратегия развития экспорта услуг была подготовлена экспертами ВАВТ Минэкономразвития совместно с Министерством экономического развития России с учетом активного сотрудничества с профильными органами власти и экспертами, а также регулярного взаимодействия с экспортерами отдельных видов услуг.

Увеличение объемов экспорта услуг — это тренд в международной торговле. Если в 1980 г. услуги составляли порядка 18% глобальной торговли, то в 2015–2016 гг. в среднем около **23%**.

Предложения по развитию экспорта российских услуг сформулировали на основе анализа стандартов и лучших практик стран-членов ОЭСР и партнеров Организации по развитию экспорта услуг.

Стратегия стала [первым официальным документом](#), который подтвердил качественные изменения во взгляде на экспортные возможности России. Теперь особое внимание будет уделяться именно экспорту услуг.

Стратегия включает в себя комплекс мер по устранению как горизонтальных барьеров (либерализа-

ция валютного контроля, визового режима), так и барьеров, которые характерны для отдельных отраслей услуг (образовательных, туристских, строительных, ИКТ). Например, для развития экспорта ИКТ-услуг Стратегия предполагает либерализацию требований по репатриации валютной выручки и использованию зарубежных счетов резидентов, реализацию проекта по созданию «Виртуальной особой экономической зоны» для компаний в сфере ИКТ; разработку пакета мероприятий по сертификации и адаптации в сфере ИКТ к требованиям внешних рынков; упрощение доступа к финансово-кредитным инструментам поддержки экспорта с учетом отраслевой специфики; реализацию проекта по созданию сети специализированных центров поддержки и продвижения экспортеров отрасли в сфере ИКТ-услуг на ключевых зарубежных рынках.

Стратегия среди прочего подчеркивает необходимость соответствия российских экспортеров услуг высоким требованиям, которые к ним предъявляют зарубежные потребители услуг. В странах ОЭСР к поставщикам услуг сегодня предъявляют требования соблюдения стандартов ответственного ведения бизнеса, которые становятся нетарифными ограничениями для осуществления экспорта услуг.

Реализация Стратегии позволит создать предпосылки для повышения конкурентоспособности российских услуг на глобальных рынках и обеспечит новые возможности для российского экспорта. В настоящее время эксперты ВАВТ Минэкономразвития определяют перечень барьеров для осуществления экспорта услуг на приоритетные рынки, а также разрабатывают руководства для экспортеров по преодолению этих барьеров и выходы на приоритетные рынки.

Главные новости

— ОЭСР **понижила** прогноз мирового роста с 3,2 до 2,9% в 2019 г. и с 3,4 до 3,0% в 2020 г. на фоне торговых конфликтов и сохраняющихся рисков на финансовых рынках.

— Камбоджа **собирается** обсудить в октябре формирование ЗСТ с ЕАЭС. Подписание соглашений о ЗСТ между ЕАЭС и Сингапуром, а также между ЕАЭС и Сербией запланировано на 25 октября.

— Страны, ведущие переговоры о всеобъемлющем региональном экономическом партнёрстве (ВРЭП) **договорились** исключить положения об урегулировании инвестиционных споров между государством и инвестором (ISDS) из текста будущего соглашения. За исключение этого положения изначально выступали Малайзия, Индия, Индонезия и Новая Зеландия. Это позволит ослабить протесты против сделки, однако, повестка переговоров включает еще много нерешенных вопросов. Один из них — **вопрос** о защите прав интеллектуальной собственности в области лекарственных препаратов, где стал-

квиваются интересы развитых и развивающихся стран-участниц переговоров. Переговоры по ВРЭП идут с 2012 г.

— ЕС **пытается** убедить США отложить ответные торговые меры и прийти к соглашению по авиационным субсидиям. Вашингтон не проявляет заинтересованности в переговорах.

— 17 сентября Китай **прекратил** применять дополнительную пошлину, введенную в прошлом году, в отношении 16 категорий товаров, ввозимых из США. Изъятия будут действовать до 16 сентября 2020 г.

— Бразилия и Мексика официально **начали** переговоры по формированию зоны свободной торговли. Бразилия надеется увеличить экспорт сельскохозяйственной продукции на мексиканский рынок в результате либерализации.

— Корея **запросила** консультации с Японией в ВТО в ответ на введенные Японией меры, ограничивающие экспорт товаров и технологий в Корею.

Выпуск подготовлен Всероссийской академией внешней торговли, Российским центром исследований АТЭС и Российским центром компетенций анализа стандартов ОЭСР: Алиев Т.М., Гущин Е.С., Исмагилова О.Д., Коваль А.А., Кнобель А.Ю., Кудакеева К.Р., Латыпова Ю.Р., Левашенко А.Д., Прока К.А.